Его игра была в цель

с точностью ракеты
Сов. Россия - 1989 - 4 экз. - с. 4

Один мой знакомый живет в пригороде Лондона по соседству с Алеко Гиннесом, так вот он рассказал мне, что на улицах и в присутственных местах в Гиннесе не узнают знаменитого актера. Мне, думаю, не следует удивляться этому (а я удивляюсь тем не менее), хотя Гиннес вот уже многие годы наш ведущий актер театра и кино. Я помню его первые роли, он казался высокомерным и несколько неуклюжим, впрочем, это даже шло ему, но не могу теперь припомнить, когда именно он преобразился и стал удивительно тонким, прекрасным актером. На мой взгляд, выдающимся актером его делают три качества. Во-первых, он человек думающий, не позер, не болтун-мистификатор, подспудно, глубоко внутри него постоянно совершается работа. Во-вторых, он один из немногих наших ведущих актеров, которые не подчиняют героя себе, а сами полностью отдаются ему, обладая поразительным даром перевоплощения. Он способен изменить свою внешность, голос, манеру и стиль в зависимости от роли, но делает он это, будучи добросовестным актером, а не просто мимом высшего класса вроде Питера Селлера. Он стремится воссоздать образ, продумав все до мельчайшей подробности. И третье его достоинство — поразительное изящество: советую будущим актерам, студентам пойти, и не один раз, на спектакль с участием Гиннеса, воочию убедиться в его неотразимости.

Буквально на днях я увидел его в последнем акте какой-то неизвестной мне телевизионной пьесы. Сразу стало ясно: он играет старика, ждущего смерти, преисполненного глубокого отвращения к жизни (между прочим, сам автор ненавидит жизнь). Передо мной был представитель определенной социальной среды; герой Гиннеса привык коротать вечера за сигарой и стаканом портвейна. Но даже в том, как он пьет и курит, в каждом пустяке Алек стремится выразить бесконечную усталость и отвращение — и все это в телевизионной пьесе,

которая играется один лишь раз! Я вспомнил, как в «Олд-Вик» он играл в моей пьесе «Визит инспектора» глупенького Берли; он был изумителем: он только прошелся по авансцене спиной к зрителю, и тотчас перед нами возник образ ветреного, бездумного парня.

Я наблюдал за работой Гиннеса довольно долго один лишь раз — во время съемок фильма, к которому я написал сценарий, и был одним из его продюсеров. В этом фильме — «Последние каникулы» — много смешного, он пронизан разного рода иронией, но лондонская критика, видимо, не заметила этого и обошла ленту молчанием. (На континенте, в Нью-Йорке и Голливуде она пользовалась большим успехом, Полин Кэль отозвалась о ней как об «отличном камерном фильме»). Алек Гиннес играл в нем заурядного юношу, в жизни которого происходят драматические перемены. Кадры снимались не в хронологическом порядке, а потому каждый день Алеку приходилось играть разные состояния своего героя, перескакивая то вперед, то назад во времени. Ему удавалось это блестяще, и с тех пор я не устаю им восхищаться, восхищаться его умению и такту. И еще большому изяществу!

Хотя недавно его имя было включено в Почетный список лучших актеров, и, конечно, его теперь регулярно хвалят, я лично не могу отделаться от ощущения, что его удивительные качества — не только дар перевоплощения, но глубина и изящество его игры — на протяжении долгого времени недооценивались критикой и зрителем. Им нужны паблисити, шум, показуха, а это чуждо такому скромному, но преданному искусству человеку. Он дает зрителям больше, чем многие из них в состоянии понять. Он должен бы сегодня считаться королем актеров. Но считается ли? Сомневаюсь. Я не актер, но склад моей природы и опыт подсказывают мне, что такое игра, и этот серьезный, вдумчивый художник вызывает во мне глубочайшее уважение, преклонение и благодарность.